

Что ты знаешь про меня

Ирина Рейн

Из своей печали Ирина выбиралась долго и тяжело, как из комы. Ей казалось сперва, она так в этом болоте и сдохнет, оплакивая свое несостоявшееся счастье, пока вся на слезы не изойдет. И даже выющаяся рядом перепуганным воробьем Райан никак не помогала воспрянуть - а ведь ради неё одной только нужно было себя на чем-нибудь да удерживать, пусть даже на одном только позвоночнике. Но нет, рыжая долго валялась бесформенной кучей и, кажется, ухитрилась в этом вялом виде просуществовать больше года. Только когда весь монастырь, вздрогнувший от подступающей к его стенам угрозы и зажуужал, загудел, как встревоженный улей, Ирина наконец вяло зашевелилась, пытаясь сообразить, что вокруг происходит.

А вечером на ужине она впервые встряла в перепалку, наорав на пробежавшую мимо белобрысую ученицу за то, что та острыми локтями толкается, и запустила в девчонку чашкой, за что тут же схлопотала дежурство, потому что даже на полувоенном положении всю эту муть никто не отменял, - и это, наверное, было своеобразным ознаменованием возвращения к жизни.

Но, блин, да почему же ей нужна была катастрофа всеобщего масштаба, чтобы встряхнуться.

Осознав, что она выпадала из жизни аж больше чем на год со своей тоской-печалью, Ирина заспешила наверстать упущенное и решить нависающие над ней бесконечные, многочисленные вопросы. Одним из первостепенной важности вопросов, конечно же, был Стефано, который был всему причиной и всему виной, и поэтому уже на следующий день после своего чудесного воскрешения из неживых Ирина уже стучалась в дверь его комнаты, настроенная на самый решительный бой.

Стефано Грассини

Про Ирину юноша умудрился почти забыть в своём эгоистичном счастье - Дарсия занимала большую часть его мыслей, а в том, что оставалось, места для других девушек не находилось вовсе. Поэтому об Ирине, с которой у него были пусть недолгие, пусть несколько сомнительные, но все же близкие отношения, Стефано со жгучим стыдом вспомнил лишь когда рыжая девушка обнаружилась на пороге его комнаты.

Это, конечно, легкомыслие было такое вопиющее и непростительное, что дальше просто плыть было некуда.

- Здравствуй, - кивнул Стефано, по сумрачному лицу Ирины угадывая, что она к нему с чем-то тяжёлым и неприятным, причём, судя по тянущему, горьковатому предчувствию в душе - с чем-то неприятным и тяжёлым для обоих. Юноша искренне сказал: - Боже, ты выглядишь так, как будто тебя убили. Что случилось? Я могу чем-то помочь? Да проходи же, не стой на пороге, - к тянущему предчувствию немедленно добавилось чёрное подозрение, что это Стефано и виноват в убитом виде Ирины, и от этой мысли стало совсем тошно. Пытаясь осознать, как же давно они в последний раз виделись и разговаривали, юноша мысленно холодел - сухие подсчёты говорили, что больше года назад, и за это время ведь могло произойти что-то черт-побери-угодно. Стефано пропустил Ирину внутрь комнаты, закрыл за девушкой дверь и коротко кивнул, показывая, что слушает.

Ирина Рейн

Однако. Какой же он, паразит, зоркий.

Ирина, будто бы в первый раз видела, обманулась легкостью Стефано, которая у него вечно была напоказ и на виду, совершенно забывая, что легкий - это совершенно не то же самое, что глупый. При порой сквозящем из него непростительном легкомыслии, дураком Стефано все же не был. По меньшей мере, не в том смысле, который предполагает, что человек умеет сопоставлять два и два и делать из этого верные выводы. И сейчас, хотя Ирина всячески старалась придать своей роже не слишком траурное выражение, с первого взгляда практически раскусил, что на сердце у нее как раз-таки был лишь недавно начавший проходить траур.

- Ага. Из гроба вылезла и сразу к тебе, - хмуро согласилась Ирина, переступая порог комнаты. Рыжая, конечно, понятия не имела, как правильно такие разговоры начинают - но, раз уж Стефано внимал ей с предельным вниманием и во все уши, начинать уже нужно было хоть как-нибудь, как угодно, лишь бы разговор пошел. Ирина сделала глубокий вдох, потом с шумом выдохнула и небрежно сказала: - Я подумала, что тебе надо бы кое о чем знать. Видишь ли, какое дело - я была от тебя беременна. Ну, сам понимаешь, когда это получилось, - дернула плечом Ирина. Не получалось у нее придать моменту должную важность и трагичность, хоть ты тресни. Впрочем, всегда оставалась надежда, что Стефано, как умный и тонко чувствующий мальчик, все верно поймет и прочувствует сам, и не нужно будет дополнительно ему что-то объяснять, роняя слезы и закатывая глаза.

Стефано Грассини

Стефано был даже не вправе сказать, что он гадает, пытаясь наобум предсказать, чем Ирина его сейчас озадачит, - для него время попросту превратилось в натянутую струну, в одно долгое ожидание, а девушка как будто держала драматическую паузу бесконечно, не спеша объяснять, что ее сюда привело. Стефано хватало терпения, чтобы не понукать Ирину, но это ожидание отнюдь не сказывалось на его нервах положительно.

И ничего удивительного, что наконец прозвучавшее признание девушки заставило его вздрогнуть.

- И ты говоришь мне об этом только сейчас? Почему ты молчала? - оторопел Стефано. Ему не составило труда мгновенно понять, что с прошлой осени, когда они с Ириной в последний раз были вместе, прошло уже сильно больше года, и счет времени даже близился к полутора годам, и это с лихвой превышало срок беременности. Если бы она сказала раньше - в этом месте лихорадочная мысль обрывалась, не обретая конкретного воплощения, но юноша смутно понимал, что тогда многое могло пойти бы по-другому. Возможно, даже слишком многое, чтобы можно было посчитать эти неслучившиеся слова неважными. - И что же случилось потом? Я слушаю тебя, - Стефано был полностью уверен, что это ещё не конец рассказа. Как он ни напрягал память, он не мог вспомнить, чтобы он видел Ирину отчётливо, очевидно беременной. Хуже того, он вообще практически не мог вспомнить, чтобы он хоть сколько-нибудь часто видел её в последний год, а то и больше, и это пугало, заставляя думать, что у него под боком случилось что-то непоправимо жуткое, а он и не заметил.

Ирина Рейн

Так, первый этап прошёл отлично, приковать к себе внимание мальчика получилось. Ирина по глазам Стефано видела, что юношу проняло, понимала, что этот крючок у него теперь в глотке не то что по жабры - по самые лёгкие. Тут бы, казалось, и развивать успех, но Ирина, как назло, очень плохо понимала, как бы ей это сделать так, чтобы теперь метким выстрелом и сразу парня - насквозь. Может, ей теперь стоит вдобавок пустить слезу? Или не нужно, потому что это будет выглядеть перебором и фальшью?

Блин, было очень странно думать об этом в таких категориях и в таком ключе. Ирине даже на миг стало мерзко от самой себя. Ишь, такие планы строит, как будто не поговорить начистоту с парнем пришла, а чтобы как можно скорее под венец его затащить.

- Успокойся, я тебя в отцы не зову. Нет ребёнка. У меня был выкидыш, ребёнок не выжил, - сказала Ирина, после каждого предложения делая паузу и глубокий вдох, чтобы ненароком не выпустить на волю водопад соплей и слез. - Я просто подумала, что ты же в этом ребенке участвовал, так что будет справедливо, если ты тоже узнаешь, что он мог бы быть. Я тебя не призываю за это немедленно на мне жениться и все такое прочее - но вообще-то, мне стало бы гораздо легче, если бы ты снова решил быть со мной, - призналась Ирина. Ей уже сказали, что она бодра и здорова, и что с ней по-прежнему можно штамповать детей, но начинать с этого было как-то неудобно и глупо. И рыжая эту новость приберегла - на финальный раунд, вдруг это ка-а-ак выстрелит перед самым занавесом.

Стефано Грассини

Пожалуй, о чем-то таком Стефано начал подозревать даже раньше, чем Ирина окончательно поделилась с ним печальным рассказом. Слухи в монастыре всегда разлетались быстро - возможно, оттого, что при Стефано всегда львиную долю учеников и обитателей Линь Ян Шо составляли девушки и были, как правило, скоры на язык, - и слухи о родившемся ребенке дошли бы до юноши наверняка. Да даже о беременности, это с определённого момента тоже спрятать было бы невозможно. А вот выкидыш на ранних сроках...

Наверное, если очень постараться, это можно было действительно до поры до времени хранить в тайне.

- Почему ты молчала раньше? - настойчиво повторил Стефано, словно в этой фразе могло заключаться его оправдание. Ирина пришла к нему с этим известием безнадежно поздно, когда Стефано уже не просто позволил себе влюбиться в другую, а влюбился всем сердцем, и утонул в этой любви напроць, и не то что не мог - даже не хотел пытаться отстраниться от Дарсии.

От его нежной, прекрасной Дарсии, которой он уже столько пообещал и от которой не мог заставить себя отказаться.

- Прости. Я не могу сделать для тебя то, о чем ты просишь. Я слишком люблю другую, - сказал Стефано, ощущая себя, натурально, сволочью и предателем. Но скажи он сейчас Ирине "да", он бы чувствовал ровно все то же самое, только по отношению к Дарсии, все равно никак этого было не избежать. - Максимум, что я сейчас могу - это, наверное, обнять тебя и попытаться хотя бы с тобой не разругаться. Извини, что это банальщина, как из бульварного романа. Банальщина, да? - Черт его знает, если честно.

Ирина Рейн

Прямой и недвусмысленный вопрос о том, что мешало ей разродиться своим

признанием раньше, Ирина оба раза спустила в глухой игнор, притворяясь, что вот в этом месте очень плохо слышно, вообще ни слова не разобрать. На самом же деле ответа у рыжей попросту не было - а тот, что был, она бы в жизни не озвучила, потому что это ж позор лютей. Провалилась в свои сопли так надолго и так прочно, что даже не замечала, как время уходит. Ирине, всегда полагавшей себя девушкой сильной, стойкой и даже пуленепробиваемой, знать такое о самой себе было крайне неприятно. Куда уж там молодому человеку рассказывать.

- И где ты себе её только нашёл, эту другую, - раздражённо сказала Ирина. Но тут же сообразила, что ляпнула глупость: - А, ну да, прости, дурацкий вопрос. Тут всяких разных "других" полный монастырь. Надеюсь, ты не взялся паять ту малолетку? Тебя ж за это показательно четвертуют на главной площади. Привяжут к хвосту озеревающей мамы и разнесут по кочкам, - начинала это говорить Ирина как шутку. Но заканчивала, внутренне холодея, понимая по ставшему вдруг очень сложным, сложнее прежнего лицу Стефано, что со своим идиотским выпадом она неожиданно попала в цель.

- Чтоб мне сдохнуть, - ошеломленно выдохнула Ирина и отступила на шаг. - Ты! паяешь! малолетку! Ты, блин, правда это делаешь? Ну охренеть теперь, - Ирине было все никак не сообразить, что та назойливая малявка уже наверняка должна была подрасти и теперь отвечать ей встречными подкатами было куда менее противозаконно. - Ты мозги у себя в голове для чего таскаешь, скажи мне пожалуйста? Для красоты? Потому что без них череп становится мягким и невесело схлопывается вовнутрь?

Стефано Грассини

Стефано мог бы и дальше продолжать настаивать на вопросе о том, почему Ирина пришла к нему со своим рассказом только сейчас, но он уже начинал неприятно ощущать себя пластинкой, которую заело на одной и той же фразе. Девушка уже показательно не слышала его дважды, и, скорее всего, и продолжила бы реагировать так же, поэтому твердить один и тот же бесполезный вопрос по кругу сейчас не было никакого смысла.

Своеобразно отвечая "любезностью на любезность", Стефано встречно проигнорировал вопрос Ирины про "где нашел другую". Хотя мог бы попытаться честно рассказать, что это уж куда скорее Дарсия однажды его нашла и не отпускала с тех пор, пока не добилась своего, но юноша посчитал излишним откровенничать об этом с Ириной.

Которая и без того уже каким-то образом обо всем догадалась - и "сложное лицо" у Стефано стало не столько из-за того, что его бывшая подруга так ловко его рассекретила, сколько из-за того, какими словами она об этом сказала. Слова Ирина выбрала такие, что за это хотелось тут же дать ей по губам. Она своей манерой выражаться все опешивала, низводила любовь до одного только желания обладать, да и то выходило каким-то особенно неприятным и грязным.

- Придержи язык, - огрызнулся Стефано. То, как Ирина бесцеремонно и даже жестко прошла по нему самому, не вызвало такого отклика в душе, как небрежно брошенные ею в сторону Дарсии мерзкие слова. И тут же захотелось оцетиниться, и вздыбить шерсть на загривке, вопреки тому, что никакой шерсти там нет. Одновременно с этим Стефано понимал, что срываться на Ирине, которой по его вине пришлось немало перенести, было бы неверным, поэтому старался все же сдерживать вспыхнувшее в душе раздражение. - Тебе может не нравится ее возраст, но я люблю эту девушку. Не смей говорить о ней в таком тоне. Кстати, ее

мать знает о том, что мы встречаемся - но, как видишь, я до сих пор не четвертован, - и, если уж мастер Давенпорт приняла эти отношения более-менее благосклонно, то уж точно не Ирине было судить о том, насколько они выходят извращенными и выходят ли вообще.

Ирина Рейн

- Угомонись, солнце! Ты же мне сейчас голову откусишь, ну! - воскликнула Ирина, резво отпрыгивая ещё на шаг назад. На её памяти это был первый раз, когда обычно миролюбивый и довольно мягкий Стефано так откровенно огрызнулся и злился, даже не пытаясь толком сгладить острые углы. Глядя на него, рыжая понимала, что в этот раз она залезла за все дозволенные и недозволенные границы и попыталась с ногами потоптаться по самому сокровенному. И метлой сейчас по шее получит, если немедленно не заткнется, после чего парень этой же метлой её выгонит вон, чтобы никогда на порог не пускать больше.

- Откуда ж я знала, что ты в неё так безумно влюблен. Я её когда последний раз видела, так она совсем мелкая была, одни щеки да глаза над ними испуганные, - пробурчала Ирина. И изобразила, что застегивает губы на молнию: - Ладно, я поняла. Эта тема - табу, я о ней больше не заикаюсь. Люби свою девочку, - Ирина при этом ощущала смутное желание оттащить соперницу за длинные волосы, но где-то там же смутно понимала, что так она только верней рассорится со Стефано, вот и все достижения будут. Если его от одних слов так нервно подбрасывает, что ж будет, если его малолетке красоту подпортить.

- Если я не буду гнать волну на твою подругу - мы сможем продолжать общаться? По-приятельски? - настойчиво спросила Ирина, не покидая комнату вопреки тому, что она была здесь откровенно, вопиюще лишней. От того, что Стефано, как выяснилось, прочно влюбился в другую и был в каком-то смысле недоступен, Ирине только сильнее захотелось прибрать смуглого итальянца к рукам, заполучить его себе. И, ясен пень, этого сделать не получится, если разругаться с ним вдрызг, так, чтобы и подойти к нему нельзя. Рыжая оптимистично считала: сохранить бы возможность легально ошиваться рядом, а там она уж рано или поздно найдёт, куда вклиниться. Лучше, конечно, чтобы раньше.

Стефано Грассини

- Вот спасибо, что разрешила, - холодно ответил Стефано. Мнение Ирины по этому вопросу его несколько не беспокоило; он волновался лишь о том, что на этот счёт думала сама Дарсия, и, несколько в меньшей степени, - о том, как к этому относились её родные, вот и все. Ирина со своими разрешениями или запретами могла, выкрикивая их, хоть горло сорвать - веса они все равно от этого бы не обрели и задуматься бы не заставили.

А рыжая девушка от него сиганула от него так, словно он её испугать умудрился. Хотя чем бы - Стефано не показалось, что он выглядел особенно злым или грозным, особенно с учётом того, что он и впрямь старался злости волю не давать.

- Если ты не будешь, как ты выразилась, "гнать волну" - то, скорее всего, сможем. Но точно ли ты не будешь? - усомнился Стефано, не доверяя, впрочем, не столько намерениям Ирины, сколько её языку. Намерения-то у неё могли быть самые чистые и честные, а вот язык, за которым она совершенно не следила, порой её подводил. И тогда рыжая, не имея желания сказать грубо или обидно, выражалась так, что хотелось попросить её прикусить язык, да покрепче, чтобы нескоро ещё смогла снова такое ляпнуть. - Но давай попробуем. По-приятельски. Считай, что ты

на испытательном сроке, - сказал Стефано, стараясь произнести это как можно мягче, чтобы правда прозвучала как можно менее обидной шуткой. Для него же это было и впрямь нечто вроде испытательного срока - если Ирина все же не сумеет контролировать, что и как она говорит, то и мучить их обоих бесконечными шансами будет незачем.

Ирина Рейн

- Не веришь, хамская твоя морда? - оскорбилась Ирина, но оскорбилась неубедительно, без огонька, без должной страсти. Рыжая и сама прекрасно знала, что её язык - это её злейший враг. Что она через раз следит за тем, что она этим языком метёт, и потому через раз из-за этого встречается в неприятности. Что ей, по хорошему, надо бы ходить со скотчем поперёк рта и тогда только отклеивать, когда она точно поймет, что пришедшая на ум фраза стоит того, чтобы её сказать вслух.

Вот кстати - да, скотч. Не самая плохая идея.

Особенно когда хочется в голос заорать и высказать все, что только на ум приходит, потому что чья-то хамская морда уж совершенно переходит все хамские границы.

- Кто на испытательном сроке? Я? - взывала Ирина. Но опять не рассердилась толком, почти сразу остыв, и с восторгом сказала: - Вот же ты наглый, а! Прямо пороть тебя некому, так бы взяла и отхлестала тебя коромыслом, - эта наглость, порой прорывающаяся в Стефано всплесками, в свое время зацепила рыжую намертво. И продолжала цеплять до сих пор, и никуда от этого было не деться. Ирина встряхнула волосами и упрямо сказала: - Ладно. Испытательный срок, пусть будет! Сколько там ты хочешь мне назначить - месяц, три? Пройду со свистом, ты и не заметишь. Ну, теперь-то я могу тебя обнять? Или это тоже - только после испытательного срока? - продолжала настаивать на своём Ирина. Ей отчаянно не хотелось уйти из комнаты Стефано ни с чем, а принимая во внимание их с юношей только что состоявшийся договор, так и вовсе с фиаско в кармане.

Стефано Грассини

Возможно, поощрять Ирину неосторожными жестами не стоило и было в корне неверным, но Стефано не смог сдержать улыбки. Желание начать "хлестать коромыслом" в устах рыжей девушки вдруг показалось ему очень на своём месте, очень уместным и правильным. Будто трещина внезапно залаталась сама собой, и Ирина стала такой, какой она всегда была, всегда должна была быть, без того печального надлома, с которым она зашла было в комнату.

- Ты слишком замахнулась. Три месяца, это же завальный срок. Ты не потянешь, - сказал Стефано, продолжая невольно улыбаться. И предложил: - Я бы месяцем ограничился, не больше, и уже можно будет засчитывать тебе, что ты старалась изо всех сил. Как, месяц выдержишься?

И тут, по уму, надо было бы в продолжение темы ответить, что сперва следует испытательный срок пройти, а потом уже на всевозможные радости отношений замахиваться. Обниматься, держаться за руки, целоваться (хотя нет - никаких поцелуев, ни при каком раскладе) и что там ещё душе удумать хочется. Стефано же, возможно, в этом месте совершил ошибку, когда поддался на настойчивую, горячую просьбу Ирины и, чуть поразмыслив, разрешил: - Я думаю, что на этот раз можно, месяц ждать не обязательно, - ему в тот момент показалось, что ничего криминального, непоправимого или смертельного в этом не будет. Ну не измена же это.

Ирина Рейн

Ирина нечасто бывала далека от состояния "ну и наплевать, ну и пусть выйдет как выйдет" - а сейчас вот как раз был один из тех случаев, когда рыжей было максимально не наплевать. У неё впереди был абсолютно конкретный целевой, чертовски желанный результат, и Ирина понимала, что как попало, абы как прыгая по каким придётся кочкам, она до этого результата наверняка почти не доберётся. Один раз, конечно, чудо уже случилось, потому что на какое-то время Стефано ею все же увлёкся, но чудеса ой как недолговечны. Конкретно её, Ирины, чудо изжило себя и схлопнулось довольно быстро. Вообще не стоило надеяться на то, что оно возьмёт и самозародится второй раз. Даже если и да, все равно конечный выплеск невелик, если со своей стороны обращаться с чудом как попало. Что так, что эдак - надо и самой тоже прилагать усилия, так почему бы не начать прямо сейчас.

Несмотря на то, что Ирина уже успела один раз косякнуть так, что аж слышно было, как хорошее отношение к ней Стефано захрустело и затрещало по швам, общий целый результат вроде бы выходил положительный. Юноша перестал изображать глазами гром и молнию, начал улыбаться, а под финал даже согласился обниматься. Тут, конечно, опять придётся следить за руками, чтобы вышло более-менее невинно, без чего-то эдакое, что парень мог бы истолковать негативно и снова пойти в отказ, но в целом-то прогресс, ура.

Да что же за идиотская ситуация, она его обхаживает как целомудренную девочку какую-то, подумала Ирина, обнимая Стефано за шею. То есть, понятно, он пытается хранить верность своей юной возлюбленной, отсюда такое поведение и лезет, но все равно, смотрится по-дурацки. Тем не менее, Ирина по-прежнему считала, что юноша стоит того, чтобы так его обхаживать.

Вот если сейчас сказать ему, что она его полюбила - он это поймёт и спокойно примет, или начнёт вырываться и опять на свою даму сердца ссылаться?

Стефано Грассини

Молчание, наверное, сейчас следовало воспринять как знак согласия. Как подтверждение того, что их смешной договор заключён, "испытательный срок" пошёл и к словам Ирины отныне и впредь можно и где-то даже нужно жёстко придирааться. И Стефано не считал, что он ведёт себя глупо или неуместно - ему казалось, стоит наложить на выражения девушки это ограничение, особенно если она сама это предлагает. Ему не хочется с ней рассориться, у неё, похоже, желания сходные, и будет вполне верно, если один из поводов засверкать клыками и броситься в драку они из своего общения попросту исключат.

А вот разрешать ей объятия все-таки было лишним - лишним, но не отталкивать же её теперь, у Стефано бы просто рука не поднялась это сделать. Тепло тела Ирины очень живо и ярко напомнило ему о том, как эта девушка принадлежала ему, вся без остатка, какая у неё тонкая белая кожа, а под этой кожей бьётся безумное, не знающее границ пламя. Стефано провел ладонью по спине Ирины, путаясь пальцами в длинных рыжих волосах - они были именно такими мягкими, как он помнил, и могли бы принадлежать топ-модели, но вместо этого волнами ложились на плечи рыжей драчуни, не слишком-то увлечённой собственной красотой, - и не с первого раза нашёл в себе силы мягко отстранить девушку. Ирина снова пыталась затянуть его в себя как в омут, увлечь собой, и этому нельзя было позволить случиться. Стефано покачал головой: - Прости, - где-то за пределами этой комнаты его ждала Дарсия, и воспоминание о ней, о её нежной улыбке не хуже ледяного душа помогало взять себя в руки. Он был виноват в том, что случилось с Ириной, но

не мог любить её - как не мог и разорваться, чтобы угодить обеим девушкам сразу.

Ирина Рейн

Стоило обнять парня за шею, и Ирина к нему просто прилипла, не желая отпускать. На несколько мгновений показалось, что Стефано сейчас обнимет её в ответ - когда его ласковые пальцы заскользили по её спине, спускаясь вдоль позвоночника и тревожа не только волосы, но даже и самое сердце. Ирина задышала чаще, отчётливо засопела носом, мелко выдыхая в смуглую кожу юноши, там, где шея плавным изгибом переходила в плечо. И была близка к тому, чтобы, сопротивляясь, ухватиться за это плечо зубами, когда Стефано стал высвобождаться из её рук.

Как же сильно она хотела его себе, так, что в голове почти все остальное расплывалось в невразумительный кисель и ни значения, ни веса не имело.

- Пихаешься, гад? - беззлобно сказала Ирина, не с первого раза, но все же позволяя юноше отцепить её от себя. И на прощание бесцеремонно провела ладонью по тёплой щеке Стефано: - Ну-ну, пихайся, пока можешь. Зуб даю, ты рано или поздно передумаешь, - и будет пихаться совсем по-другому и с другими целями, и долю секунды Ирина была близка к тому, чтобы эту пошлость брякнуть вслух. Но, по счастью, передумала; это было бы плохое завершение разговора. И, перед тем, как покинуть комнату, Ирина напомнила: - Если что, ты в курсе, где меня найти, да? Заглядывай как-нибудь, солнце. А то я по тебе я скучать буду.
